

ЕВРИПИД

ЕЛЕНА

Перевёл с древнегреческого Вланес

ЕЛЕНА

Вот нильские прекрасно-девственные струи,
взамен божественных дождей поля Египта
питающие серебристым талым снегом.
Протей при жизни здесь тираном был, имея
на Фаросе дворец, но царствуя в Египте,
и в жёны взял себе одну из дев морских,
Псамафу, разорвавшую свой брак с Эаком.
Она двоим дала рождение в этом доме:
Теоклимену, прозванному так за то,
что чтит богов, и благородному созданию
Идо́. Была она отрадой материнской,
когда же подросла и расцвела для брака,
её называли Теоноей, потому что
она всё знала от богов, что есть и будет,
приняв свой дар в наследство от Нерея-предка.
А я в небезызвестной Спарте родилась.
Отец мой – Тиндарей, хотя и есть преданье,
что к Леде, матери моей, однажды Зевс,
преобразившись в птицу-лебедя, спустился
и взял её на ложе хитростью, как будто
спасаясь от орла. Не знаю, так ли это.
Меня зовут Елена. Как я настрадалась,
скажу вам. Три богини, споря, кто красивей,
пришли в идейское ущелье к Александру,
Киприда, Гера и безбрачная дочь Зевса,
желая, чтобы он судил их красоту.
Мой образ дивный, коль бывает дивным горе,
Киприда предложила в жёны Александру
и выиграла спор. Свои хлева покинул
Парис идейский и пришёл за мною в Спарту.
Но Гера злилась, что богиням проиграла,
и ветром обратила брак мой с Александром,
дав не меня, но мне подобный, полный духа,
из горнего эфира вылепленный призрак
наследнику царя Приама. Тот считает,
что мной владеет, не владея. Воля Зевса
прибавила ещё и новых нам несчастий,
затевя распрю между греческой землёю
и бедными фригийцами, чтоб от избытка
размножившихся смертных землю-мать избавить,
а также выяснить, кто всех сильнее в Элладе.
В борьбе с фиванцами не я была наградой

для копий греческих, но имя лишь моё.
Гермес увлёл меня в сплетение эфира,
окутав тучей – Зевс на произвол судьбы
меня не бросил – и открыл мне дом Протея,
которого считал воздержнее всех смертных,
чтоб ложе Менелая чистым сохранить.
И вот живу я здесь, а мой супруг несчастный
собрал внушительное войско и за мной
отправился в поход к твердыням илионским.
Там, у скамандровых потоков, много душ
из-за меня пропало. Все меня клянут,
бедняжку, будто я супруга предала
и тяжкую войну для греков завязала.
Зачем же я живу? Мне было слово бога
Гермеса, что на славную равнину Спарты
вернусь я с мужем. Он поймёт, что в Илионе
я не была и никому постель не стлала.
Действительно, пока Протей свет солнца видел,
мне брак не угрожал. Но чернота земли
окутала царя, и сын его немедля
за мной охоту начал. Помня про того,
кто был мне мужем, я к протеевой гробнице
припала и молю спасённой быть от брака.
Пусть обещано моё в Элладе имя,
но плоть моя тут не подвергнется позору.

ТЕВКР

Кто повелитель этих мощных укреплений?
Вполне достойны с домом Плутоса сравниться
их царский вид и элегантные карнизы.

А!

О небо! Что я вижу? Кровожадный образ
треклятой женщины, сгубившей и меня,
и всех ахейцев! За твоё с Еленой сходство
пускай тебя отвергнут боги! Если б не был
в чужой стране я, то я меткой бы стрелой
тебя попотчевал за сходство с дочкой Зевса!

Ел. Бедняга, кто б ты ни был, что ты отвернулся,
другой обижен, а ко мне питаю злобу?

Тев. Я виноват. Поддался гневу свыше меры.
Пойми, вся Греция дочь Зевса ненавидит.
Меня за сказанное, женщина, прости.

Ел. Ты кто? Откуда в эту землю ты явился?

Тев. Я, женщина, один из горестных ахейцев...

Ел. Тогда не диво, что Елену ненавидишь.

Скажи же: кто ты и откуда? Чей ты сын?

Тев. Я – Тевкр. Отец, меня родивший – Теламон.
На Саламине был рождён я и воспитан.

Ел. Зачем же ты пришёл на нильские просторы?

Тев. Изгнанник я, свою покинувший отчизну.

Ел. Несчастный! Кто тебя прогнал с твоей земли?
Тев. Отец мой Теламон: есть разве кто роднее?
Ел. Но почему? Рассказ твой бедствием наполнен.
Тев. Аякс, мой брат, принёс мне горе, пав под Троей.
Ел. Как? Лезвием своим лишил его ты жизни?
Тев. Он прыгнул сам на свой же меч и принял смерть.
Ел. Сойдя с ума? Разумный разве так посмеет?
Тев. Ахилла знаешь ты, рождённого Пелеем?
Ел. Да.
Я слышала, ходил он свататься к Елене.
Тев. Он мёртв. Вождей рассорили его доспехи.
Ел. Но как же это горем стало для Аякса?
Тев. Когда другой доспехи взял, себя убил он.
Ел. И ты теперь страдаешь от его несчастий?
Тев. Страдаю, потому что с ним я жизнь не отдал.
Ел. Так значит, странник, был ты в славном Илионе?
Тев. Помог его разрушить, да и сам погиб.
Ел. Весь город разорён, огнём испепелённый?
Тев. Там даже нет и следа явного от стен.
Ел. Елена бедная, погибель ты фригийцев!
Тев. Ахейцев тоже. Что за страшное несчастье!
Ел. Ты мне скажи, давно ли город был разрушен?
Тев. Почти семь плодоносных лет уже минуло.
Ел. Ну а до этого вы долго в Трое были?
Тев. Немало лун. Прошёл тогда десяток лет.
Ел. А вы спартанку эту тоже захватили?
Тев. Да, выволок её за косы Менелай.
Ел. Ты сам бедняжку видел или это слухи?
Тев. Я видел сам её. Не хуже, чем тебя.
Ел. Смотри, то мог быть призрак, созданный богами!
Тев. Другим интересуйся, а об этом хватит.
Ел. Считаешь ты виденье это настоящим?
Тев. Я видел сам глазами, видит и мой ум.
Ел. А Менелай уже с женой своею дома?
Тев. Нет, он не в Аргосе и не у струй Еврота.
Ел. Ай-ай! Какое горе... тем, о ком сказал ты!
Тев. Ещё я слышал, что они с женой пропали.
Ел. Не вместе ли аргивяне переправлялись?
Тев. Всё так, но буря разбросала их по морю.
Ел. В каком же море это всё произошло?
Тев. На полпути через эгейскую пучину.
Ел. С тех пор уже никто не видел Менелая?
Тев. Никто. В Элладе он считается погибшим.
Ел. Вот смерть моя! А где дочь Фестия теперь?
Тев. О Леде говоришь? Она ушла, скончалась.
Ел. Неужто умерла, узнав про срам Елены?
Тев. Есть слух. Стянув петлю на благородной шее.
Ел. А как же Тиндариды, живы или нет?
Тев. И умерли, и нет – о них молва двояка.
Ел. Какой же слух правдив? Ах, горе мне, злосчастной!

- Тев. Что звёздам уподобились, богами стали.
Ел. Сказал ты хорошо. Ну а другой рассказ?
Тев. Довольно слов. Я не хочу стенать два раза.
Пришёл я к царским укреплениям в надежде
увидеть прорицательницу Теоною.
Ты помоги мне выведать из предсказаний,
каким ветрам крыло подставить корабля,
стремясь к водою опоясанному Кипру.
Прорёк мне Аполлон, что буду там я жить,
в честь родины назвав мой город Саламином.
Ел. Тебя научит, странник, плаванье само.
Но ты беги, пока тебя правитель здешний,
Протеев сын, не видел: с гончими теперь он
ушёл, кровавую охоту предвкушая.
Всех греков он, кого поймают, убивает.
Не спрашивай, зачем он делает всё это,
и я смолчу. Тебе какая в этом польза?
Тев. Ты хорошо сказала, женщина. Пусть боги
дадут завидное тебе вознагражденье!
Хотя Елену ты напоминаешь телом,
твой ум на ум её ни капли не походит.
Пусть та подойдет далеко от вод Еврота!
Да будешь счастлива ты, женщина, вовеки!
- Ел. Я начинаю горестный плач, исполненный стонов.
Как вознести мне рыдающий голос, какую музу призвать
слезами, стенаньями, вздохами? Ай-ай!

Крылоносные девы,
чистые дочери Земли,
Сирены, на причитанья мои
придёте ли вы, неся ливийскую
флейту, или свирели, или
лиры, прилагая к моим
плачевным бедам слёзы свои,
страданья к страданьям, песни к песням?
Мелодии, созвучные скорби моей,
пусть пошлёт смертоносная Ферсефасса,
чтобы в своих покоях ночных
получить от меня благодарность –
пеан, исполненный слёз
о мёртвых, погибших!

ХОР

У тёмно-синей воды,
на волнистой зелёной траве
случилось пурпурные пеплосы
в золотистых лучах солнца
сушить мне,
возле зарослей тростниковых:

оттуда жалобный звук я услышала,
безлирную, печальную песнь,
начатую какой-то женщиной молодой,
стенавшей жалобно,
подобно наяде, убегавшей в горы
от брака, издающей надрывный крик
под скалистым гротом, голосом громким
оплакивая своё сочетание с Паном.

Ел. О добыча варварского весла,
эллинские девушки,
какой-то моряк ахейский
пришёл, пришёл, неся моим слезам слёзы:
Илиона руины
поглочены гибельным пламенем
из-за меня, многих убившей,
из-за моего имени многострадального,
и Леда в петле
приняла смерть,
скорбя о позоре моём,
и муж мой, в море много блуждавший,
погиб, отошёл,
и Кастор с родным братом своим,
двойное украшение родины,
пропали, пропали, покинув равнины,
оглашённые стуком конских копыт,
и гимнасии у обильного тростником Еврота,
труд молодых людей.

Хор Ай-ай! Что за доля многостонная,
что за судьба у тебя, женщина!
Какая-то жизнь нежилая
досталась, досталась тебе, когда на твоей матери
зачал тебя Зевс, белоснежным крылом лебединым
эфир прорезая.
Какой беды тебе не хватает?
Чего в своей жизни не вынесла ты?
Твоя мать отошла,
Зевсовы близнецы
не благоденствуют, дети любимые,
и родимой земли ты не видишь,
и по городам идёт
молва, варварскому ложу
тебя, госпожа, предающая,
и муж твой расстался с жизнью
в солёных волнах, и уже никогда
ни отцовых чертогов,
ни меднодомной богини не осчастливит.

Ел. Увы, увy! Кто-то из фригийцев

или кто-то из эллинской земли
срубил сосну, столько слёз
принёсшую Илиону?
Из неё пагубный корабль
соорудив, Приамид
отплыл на варварском весле
к моему очагу,
к несчастнейшей
красоте, желая мне брак навязать,
и с ним коварная, многих убившая Киприда,
данайцам везущая смерть и сынам Приама.
О, сколько перенесла я несчастий!
Но восседающая на золотом троне
досточтимая богиня, которую Зевс обнимает,
Гера, послала быстроногого
сына Майи:
он меня, собиравшую в пеплос
нежные лепестки роз,
чтобы пойти к меднодомной Афине,
унёс по воздуху
в этот край злосчастный
и сделал, бедную, предметом раздора, раздора
между Элладой и сынами Приама.
И теперь моё имя у потоков Симоента
вызывает разговоры пустые.

Хор Ты бедствуешь, я знаю: но пристало в жизни
как можно легче неизбежное сносить.

Ел. С какой сопряжена я участью, подруги?
Что за страшило мать возрастила для людей?
Родить ни эллинка, ни варварка не сможет
такого белого вместилища птенцов,
какое Леда, говорят, снесла от Зевса.
Ужасна жизнь моя и всё, что в ней случилось:
виновны Гера в том и красота моя.
Ах, стёрли бы меня, как некую картину,
и красоту мою сменили бы уродством,
тогда судьбу мою, исполненную бедствий,
забыли б эллины и вспоминали бы
не злое, как теперь, а то, что злему чуждо!
Стремясь к чему-то, иногда бывают люди
богами биты. Это тяжело, но терпимо –
меня же притесняют многие несчастья.
Во-первых, я невинна, а живу в позоре:
гораздо хуже, чем и вправду быть виновной,
приобретать беспочвенные порицанья.
К тому же боги унесли меня из дома
к народам варварским. Лишённая родных,
рабыней стала я, хоть родилась свободной,
ведь варвары рабы – все, кроме одного.

Один лишь якорь, как-то жизнь мою державший,
что муж приедет и меня от бед избавит,
поскольку тот погиб, не существует больше.
Пропала мать моя, и я – её убийца,
несправедливо это, но таков мой жребий.
И дочь моя, отрада дома моего,
не вышла замуж и в девичестве стареет.
По Зевсу названные братья Диоскуры
не существуют. Я исполнена несчастий
и, в сущности, мертва, хотя на деле нет.
Но хуже то, что, если я достигну дома,
передо мной запрут ворота, ведь Елену
ждут не одну из Трои, но при Менелae.
Будь жив ещё мой муж, друг друга мы узнали
по знакам бы, известным только нам одним,
но всё напрасно, и ему не возвратиться.
К чему мне жизнь? Какой я предана судьбе?
За брак схватиться ли, сменить беду бедою,
жить с мужем-варваром и за столом обильным
сидеть? Но если женщине супруг противен,
то ей противно даже собственное тело.
Нет, лучше смерть. Как умереть мне благородно?
На воздухе в петле болтаться – безобразно,
ведь это и рабы считают неприличным.
Удар мечом и благороден, и достоин,
однако жизненную точку не найти мне.
В такую я поверглась глубину напастей:
другие женщины приобретают счастье
своею красотой, а мне она в погибель!

Хор Елена, кем бы ни был этот чужестранец,
не думай, что сказал он правду обо всём.
Ел. Но ясно говорил он, что мой муж погиб.
Хор Неправду тоже можно ясно говорить.
Ел. Но это самое касается и правды.
Хор К злосчастию тебя уносит, не ко благу!
Ел. Страх окружил меня, вселил в меня тревогу.
Хор Все в этом доме расположены к тебе?
Ел. Все, кроме жениха, охотника за мною.
Хор Ты сделай вот что: от гробницы отойдя...
Ел. Ты что советуешь? На что меня склоняешь?
Хор ... ступай-ка в дом, всеведующую Теоною,
родную дочь богини моря Нереиды,
спроси о муже: есть ли он ещё на свете,
покинул ли его. Когда узнаешь, будешь
смеяться или плакать, как велит судьба.
Пока не знаем ничего мы, что за польза
в переживаниях? Послушайся меня.
Оставь гробницу, с девушкой поговори,
тогда узнаешь всё. Вещательницу правды
имея во дворце, чего ещё искать?

Мне тоже хочется войти с тобою в дом,
послушать прорицанья девственницы этой,
ведь женщины должны друг другу помогать.

- Ел. Подруги, я принимаю ваши слова.
Идите, идите в дом,
чтобы там узнать
о моих испытаниях!
- Хор Зовёшь меня, а мне и так не терпится пойти!
- Ел. О горестный день!
Злосчастная, какой рассказ
плачевный услышу я?
- Хор Не предвещай страданий,
не спеши, подруга, стенать!
- Ел. Что муж мой несчастный вытерпел?
Видит ли он свет, четверную
колесницу солнца, дороги звёзд
или среди мёртвых, зарыт,
разделяет судьбу подземелья?
- Хор Надейся на лучшее,
что бы ни было в будущем!
- Ел. Я призываю тебя, я клянусь тобой,
текущий среди налитых водой тростников
зелёный Еврот: если правдива
молва о том, что погиб мой муж
(будто это ещё неясно),
смертоносную петлю
затяну я на шее своей
или мечеубийственный натиск,
выпускающий кровь из горла,
порыв чистого железа, пропущу в свою плоть,
жертву трёхъяремным богиням
и Приамиду, некогда чтившему их
песней своих свирелей
возле хлевов бычьих.
- Хор В другое место да направятся беды,
а тебе да выдастся счастье!
- Ел. О, бедная Троя! За дела несодеянные
погибла ты, настрадалась напрасно!
Мои дары, принятые от Киприды,
породили много крови, много рыданий,
давая стоны стонам, слёзы слезам, принося мученья!
Матери лишились сыновей,
и девушки, родственницы мёртвых,
срезали свои волосы у вздувшихся волн
фригийского Скамандра,
и криком, криком эллинская земля
зашлась, закричала,
руки на голову положила,
ногтем вскрыла нежную щёку,

оросив её кровью из открытой раны.
О блаженная дева, когда-то в Аркадии жившая,
Каллисто, взошедшая на Зевсово ложе,
став четвероногой!
Насколько жребий твой лучше, чем у моей матери!
Обращённая зверем с мохнатыми лапами,
со взором свирепым, приняв обличье львицы,
избегла ты тягостей скорби!
Ты тоже блаженна, кого Артемида изгнала из хоровода,
в златорогую лань превратив, Титанида, дочь Метропа,
из-за твоей красоты! Моё же тело
уничтожило, уничтожило башни дарданские
и злосчастных ахейцев!

МЕНЕЛАЙ

О Пелопс, некогда победу одержавший
над Ойномаем в Пизе, в гонках четвернёй,
зачем ты не погиб на пиршестве богов,
во чревах их расстаться с жизнью принуждённый,
не породив Атрея, моего отца,
от коего зачаты были Аэропой
два славных мужа – Агамемнон с Менелаем!
Рать величайшую, скажу без хвастовства,
на вёсельных судах я переправил к Трое.
В поход я вышел не с рабами, как тиран,
но с молодыми добровольцами Эллады.
Теперь по имени назвать мы можем тех,
кто пал и кто пучины радостно избегнул,
чтоб дома перечислить имена умерших.
Лишь я, несчастный, по лазоревым волнам
блуждаю с той поры, как башни Илиона
разрушил. Нужно мне до родины добраться,
но этого в глазах богов я недостоин.
Я приставал ко всем ливийским берегам,
пустынным, негостеприимным. Каждый раз
от родины меня отталкивает ветер,
не направляя парус в сторону отчизны.
Теперь же, потеряв и судно, и друзей,
я выброшен на берег. Мой корабль о скалы
разбился вдребезги, не сосчитать обломков.
Из слаженных частей остался только киль,
и вот на нём каким-то чудом я и спасся
с Еленой вместе, мною забранной из Трои.
Ни имени страны, ни этого народа
не знаю я. С толпой мне совестно мешаться,
чтоб не спросили, почему хожу в лохмотьях.
Стыдливо прячусь я. Когда встречает горе
высокородный человек, от непривычки
он тяжче падает, чем тот, кто с горем свыкся.
Нужда меня терзает. Нечего поесть мне

и не во что одеться. Видно же, что я
прикрыт обрывком корабельной парусины.
Все пеплосы мои, все яркие одежды,
всю роскошь съело море. В глубине пещеры
я скрыл жену, виновницу моих несчастий,
а сам пришёл сюда, велев своим друзьям,
оставшимся в живых, её посторожить.
Один я вышел, чтобы для друзей своих
попробовать найти какой-нибудь еды.
Увидев дом, стеной зубчатой окружённый,
роскошные врата какого-то счастливец,
я подошёл. Надеюсь я, у богачей
добуду что-то морякам. У бедноты же,
пусть и хотят помочь, не взять нам ничего.
Привратник, эй! Ты выходи сюда из дома,
хозяевам рассказ мой скорбный передай!

СТАРУХА

- Кто у дверей? Чего от дома не отходишь,
чего стоишь ты у ворот, во двор ведущих,
и докучаешь господам? Смотри, прибьют!
Вам, грекам, запрещается сюда таскаться!
- Мен. Старуха, можно то же самое сказать
помягче? Я послушаюсь. Ты не ругайся!
- Ст. Иди отсюда! Мне велели, чужестранец,
не подпускать ни одного из греков к дому.
- Мен. А, не хватай меня и не гони силком!
- Ст. Меня не слушаешь, вот и вини себя же!
- Мен. Ты в доме возвести хозяевам твоим...
- Ст. Весть эта, думаю, тебе же боком выйдет.
- Мен. Крушение потерпевший неприкосновенен.
- Ст. Ступай к другому дому, этот же забудь.
- Мен. Нет, я войти хочу! А ты мне повинуйся!
- Ст. Какой назойливый! Тебя взашей прогонят!
- Мен. Ай-ай! Где доблестные воинства мои?
- Ст. Ты, может, где-то и велик, но здесь ты нуль.
- Мен. Что за судьба! Как обесчещен я безвинно!
- Ст. Зачем рыдать? На чью надеешься ты жалость?
- Мен. Я с прошлым говорю, исполненным удачи.
- Ст. Чего к друзьям своим лить слёзы не идёшь ты?
- Мен. Что это за страна? Кто правит во дворце?
- Ст. Протею дом принадлежит. Земля – Египет.
- Мен. Египет? Как же я заплыл сюда, несчастный!
- Ст. Во всём ты, значит, Нил блистающий винишь?
- Мен. Я не виню, а о судьбе своей стенаю.
- Ст. Страдают многие, ты не один такой.
- Мен. Правитель, названный тобой, сейчас он дома?
- Ст. Он в этом склепе. Сын его строною правит.
- Мен. Где сын теперь? Он вышел или у себя?
- Ст. Его здесь нет. Вас, греков, он терпеть не может.

Мен. А по какой причине мне-то честь такая?
Ст. Живёт Елена в этом доме, Зевса дочь.
Мен. Как ты сказала? Что такое? Повтори!
Ст. Дочь Тиндарея, бывшая когда-то в Спарте.
Мен. Откуда здесь она? И что всё это значит?
Ст. Она сюда явилась из Лакедемона.
Мен. Когда? Неужто выкрадена из пещеры?
Ст. До выхода ахейцев, странник, против Трои.
Ты отойди отсюда. Здесь такое нынче творится, что весь дом вверх дном перевернулся. Некстати ты пришёл. Узнает наш хозяин, тогда тебе окажет смерть гостеприимство. Я эллинам благоволю, хоть много резких сказала слов, от страха перед господином.

Мен. Что это? Как ответить? Я о дикой слышу беде, явившейся на смену предыдущим! С женой я приезжаю, забранной из Трои, жена в пещере охраняется, а тут, оказывается, под именем таким же живёт другая женщина, вот в этом доме! Старуха назвала её рождённой Зевсом... Что, разве есть мужчина по прозванию Зевс на нильских берегах? Ведь Зевс один, на небе... И где ещё есть Спарта, как не у потоков Еврота, камышом поросшего прекрасно? И Тиндарей один, все знают это имя... А страны, соимённые Лакедемону и Трое, разве существуют? Что тут скажешь... Земля огромна, общих много есть имён, как думается, у мужчин, и городов, и женщин. Удивляться этому не нужно. Не побегу я из-за грозных слов служанки. Такого варвара на свете нет, который, моё услышав имя, пищи мне не дал бы. Сгорела Троя славно! Я же, Менелай, зажёгший это пламя, всей земле известен. Хозяина я подожду, на два исхода себя настроив: если он жестокосерден, я спрячусь и к обломкам судна прокрадусь, а если он уступчив, то я подаянья ввиду несчастья нынешнего попрошу. Чернейшая из страшных бед моих вот эта – сам будучи царём, я у других тиранов на жизнь выпрашиваю, но нельзя иначе. Не я сказал об этом, а мудрец какой-то: всего сильнее жестокая необходимость.

Хор Я услышала, как пророчица юная возвестила открыто в доме тирана, что Менелай не отошёл ещё

в тёмносияющий мрак,
под землёю не скрылся,
но, вздутой морскою волной
изнуряемый, не достиг и гаваней
земли родимой,
что ведёт он жизнь скитальца,
многострадальный, друзей лишённый,
на разнообразные берега ступая,
их касаясь веслом, погружённым в море,
покинув троянскую землю.

- Ел. Ещё раз к этой возвращаюсь я гробнице,
послушав милые вещанья Теонои
всезнающей. Она так прямо и сказала,
что жив мой муж и созерцает свет дневной,
и что, несметные пробороздив проливы,
несом туда-сюда, скитаньями замучен,
он явится, когда мытарствам выйдет срок.
Но не сказала, выживет ли он и после.
Об этом именно спросить я и забыла
на радостях, когда узнала, что он жив.
Она сказал также, что он где-то рядом,
на берег выброшен с немногими друзьями.
Когда же ты придёшь? Приди, мой ненаглядный!
А! Кто там? Неужели на меня засада,
которую устроил мерзкий сын Протея?
Мне кобылицей или божьею вакханкой
метнуться ли к стене гробницы? Зверь какой-то,
похоже, на меня охотиться желает!
- Мен. Эй ты, бегущая в таком порыве диком
к подножию кургана, к жертвенным колоннам,
постой! Чего спешишь? Передо мной явившись,
меня ты в ужас, в изумление повергла!
- Ел. Насилье, женщины! Теснит меня мужчина
вот этот от гробницы и схватить желает,
чтоб замуж выдать за несносного тирана!
- Мен. Не похититель я и не прислужник зла.
- Ел. Какая на тебе ужасная одежда!
- Мен. Ступню проворную останови, не бойся!
- Ел. Остановила. Я гробницы уж коснулась.
- Мен. Но кто ты, женщина? Что это за явление?
- Ел. А сам ты кто? Вопрос у нас один и тот же.
- Мен. Я сходства большего ещё не видел в жизни!
- Ел. О боги! Бог ведь – узнавание родных!
- Мен. Ты, женщина, гречанка или же отсюда?
- Ел. Гречанка. Но и о тебе хочу послушать.
- Мен. Ты очень, женщина, похожа на Елену!
- Ел. А ты на Менелая! Что же тут сказать!
- Мен. Узнала ты несчастнейшего человека!
- Ел. Как долго шёл же ты в объятия жены!

Мен. Какой ещё жены? Не тронь мою одежду!
Ел. Такой, что дал тебе отец мой, Тиндарей.
Мен. Шли призрак добрый, светоносная Геката!
Ел. Я вовсе не служу Энодии в ночи.
Мен. И всё же двоежёнцем быть никак нельзя мне!
Ел. Тогда какой другой жены ты господин?
Мен. Она в пещере, вывезена от фригийцев.
Ел. Лишь я твоя жена, другой не существует.
Мен. А, может, не умом я болен, а глазами?
Ел. Никак свою жену не можешь ты признать?
Мен. Есть сходство внешнее, но мне пока не ясно...
Ел. Смотри! Чего ещё? Кому яснее видеть?
Мен. Похожа ты. Глаза на это не закроешь.
Ел. А кто тебя научит, если не глаза?
Мен. Загвоздка в том, что у меня жена другая...
Ел. Меня не привозили в Трою. То был призрак.
Мен. Но кто живое тело может сотворить?
Ел. Эфир. Твою супругу сделали на небе.
Мен. Кто из богов слепил её? Невероятно!
Ел. То кукла Геры, чтоб не взял меня Парис.
Мен. Как это? Ты была и здесь, и в Трое сразу?
Ел. Повсюду может имя быть, а тело – нет.
Мен. Оставь меня! Со мной и так беды немало!
Ел. Меня ты бросишь, променяв на пустоту?
Мен. Будь счастлива за то, что схожа ты с Еленой!
Ел. Я кончена! Нашла я мужа – и утрачу!
Мен. Груз прошлых бедствий убедительней тебя.
Ел. Какое горе! Кто теперь меня несчастней!
Любимейшими я покинута людьми,
не возвратиться мне на родину, в Элладу!

ВЕСТНИК

Насилу, Менелай, я разыскал тебя,
всю варварскую землю исходив ногами.
Меня к тебе твои товарищи послали.
Мен. В чём дело? Варвары покоя не дают вам?
Вест. Такое чудо, что и слов не подобрать!
Мен. Рассказывай. Впрямь чудо, раз такая спешка.
Вест. Несметные твои труды напрасны были!
Мен. О старых бедах плачешь. Новости какие?
Вест. Твоя супруга поднялась в эфир слоистый
и там пропала. Скрылась в небе, покидая
священный грот, где мы её оберегали,
промолвив только: «Эх, несчастные фригийцы
и все ахейцы! Вы на берегах Скамандра
друг друга из-за козней Геры убивали.
Елена, думали, с Парисом. Вы ошиблись!
Мне вышел срок. Своё исполнив назначенье,
теперь я к небу, моему отцу, отправлюсь.
А Тиндарида незаслуженно внимала

злым слухам о себе. Она была безвинна.»
Приветствую тебя, дочь Леды! Вот ты где!
А я тут сообщал, что к высочайшим звёздам
ты поднялась. Не понимал я, что ты стала
крылатой! Но тебе я больше не позволю
дурачить нас. Из-за тебя под Илионом
твой муж и воины довольно потрудились!

Мен. Подумать только! Сходятся её слова
с реальностью! Какой же это день желанный,
тебя позволивший принять в мои объятия!

Ел. Любимейший мой Менелай, разлука наша
тянулась долго, но теперь пришло блаженство!
Счастливая, я мужа обрела, подруги,
его обхватила руками я, милого,
в долгом пылании светоносного пламени!

Мен. Я тоже счастлив, и сказать тебе так много
всего хочу, что и не знаю, где начать.

Ел. О радость! Волосы встали на голове
и крылья выросли на теле, слёзы льются,
я обняла тебя, дрожа от наслажденья,
муж мой любимый!

Мен. О дивное явленье! Больше не ропщу я:
со мной жена моя, созданье Зевса с Ледой!

Ел. При свете факелов белоконные родные братья
жену твою благословили, благословили...

Мен. Бог, выведший тебя из дома моего
в прошлом, ныне влечёт нас
к иной участи, лучшей.

Ел. Недоброе благо свело тебя и меня, мой супруг.
Прошло много времени, но я хочу насладиться удачей!

Мен. Да, насладись! Об этом я с тобой молюсь:
один не может быть счастливым без другого.

Ел. Подруги, подруги,
о прошлом я больше не буду стенать и скорбеть.
Супруг мой со мною, со мною – ждала я его,
ждала много лет, чтоб он из Трои вернулся!

Мен. С тобою я, и ты со мной. Не счесть нам солнц
прошедших, но дела богини разгадал я.

Ел. В радости моей проливаю я слёзы
благодарности, я не печалюсь.

Мен. Что скажешь! Кто из смертных ожидал такого!

Ел. Негаданно тебя к груди я прижимаю!

Мен. А я тебя. Считал я, что в идейский город
ушла ты и к злосчастным башням Илиона.
Как дом ты бросила? Скажи, молю богами!

Ел. Эх, эх, вступаешь ты в начало горькое!
Эх, эх, о горькой вести вопрошаешь ты!

Мен. Скажи! Про все дары богов послушать надо.

Ел. Мне отвратителен рассказ,
который я произнесу.

Мен. Скажи. О миновавших бедах сладко слушать.
Ел. Не для замужества нового с варваром,
на летучем весле, с летучей страстью
к нечестивому браку...

Мен. Какой же бог, какой же рок тебя похитил?
Ел. Сын Зевса, Зевса, супруг мой, <и Майи>
примчал меня к Нилу.

Мен. Вот чудо! Кто послал его? Невероятно!
Ел. Я плачу горько и глаза увлажняю
слезами. Жена Зевса меня погубила.

Мен. Что, Гера? Но зачем ей приносить нам горе?
Ел. Ох это купанье, этот источник,
где богини красоту омывали свою
и откуда пошли на суд!

Мен. Зачем из-за суда тебе вредила Гера?
Ел. Чтоб у Париса забрать... Мен. Как? Говори!
Ел. ...меня, обещанную ему Кипридой. Мен. Ах, бедная ты!
Ел. Бедная, бедная! Она сюда меня привела, в Египет!

Мен. На призрак заменив, я слышал уж об этом.
Ел. А в доме <твоём> какие несчастья, несчастья,
мать моя, горе мне! Мен. Ты что говоришь?
Ел. Нет матери моей! Она петлёй удавилась
от стыда за мой брак злополучный!

Мен. Увы! А Гермiona, наша дочь, жива ли?
Ел. Безбрачна, бездетна, супруг мой, стенает
об этом позоре безбрачного брака.

Мен. Разрушил дом ты мой, Парис, до основанья!
Ел. Он и тебя уничтожил, и без счёта
меднодоспешных данайцев!
Меня же горемычную, проклиняемую,
отбросил бог от родины, и города, и тебя,
когда я дом и ложе покинула, но я не покинула их
для постыдного брака!

Хор Когда судьба дарует в будущем блаженство,
прошедшие страданья это возмещает.

Вест. Ты, Менелай, со мною радость раздели,
чтоб я всё понял: мне неясно, что случилось.

Мен. Ну хорошо, старик, включайся в разговор.
Вест. Причина бедствий илионских – не она ли?
Мен. Нет, не она. Мы все обмануты богами.
У нас в руках был образ облачный, злоторный.
Вест. Что говоришь ты?
Что мы напрасно, ради облака трудились?

Мен. То дело Геры, плод вражды троих богинь.
Вест. Да ну! А это – настоящая супруга?
Мен. Да, вот она. Моим словам ты можешь верить.
Вест. Как, дочь моя, божественное перемененно
и труднопостижимо! Всё оно уладит,
и так, и этак повернув. Один пробьётся,

другой, мучений не изведав, пропадёт,
не встретив неизменного благополучья.
И ты, и муж твой разделили столько бедствий,
ты из-за клеветы, а он – копьём сражаясь.
Тогда трудился он напрасно, а теперь
пришло само собой счастливейшее благо.
Так, значит, старика-отца и Диоскуров
не осрамила ты, и слухи были лживы!
Теперь твой гименей начну я петь сначала
и вспоминать, как с факелами я бежал
у колесницы четверной, когда невестой
ты вместе с ним счастливый дом свой покидала.

Дурён слуга, не уважающий господ,
ни радости, ни горя с ними не делящий.
Хотел бы я, хоть и родился подневольным,
одним из благородных числиться рабов:
по имени уже свободным я не буду,
но буду по уму. Так лучше, чем носить
в себе двойное зло, дух низменный имея
и слыша от соседей, что ты чей-то раб.

Мен. Ну что ж, старик, поскольку много со щитом
трудов ты совершил, на благо мне стараясь,
то и теперь в моей удаче поучаствуй,
пойди и возвести оставленным друзьям
о том, что ты узнал, и как нам повезло.
Пусть ждут на берегу, пока я не пройду
тех испытаний, что, наверно, предстоят мне,
и если из страны смогу её я выкрасть,
пусть будут начеку. Соединив наш жребий,
от этих варваров попробуем спастись мы.

Вест. Всё будет, господин! Вещателей слова,
однако, вижу я, дурны и лживы насквозь.
Нет пользы никакой ни в жертвенном огне,
ни в криках птиц, и совершенная нелепость
считать, что птицы могут смертным услужить.
Наш Калхас войску не сказал ни слова, видя,
что ради облака свои же люди гибли,
Гелен молчал, и зря был город уничтожен.
Ты возразишь, что бог иначе не желал.

К чему гадать? Нам приносить лишь жертвы нужно
богам, прося о благах, а гаданья бросить.
Всё это в жизни лишь соблазном оказалось,
бездельники пыланьем жертв не богатеют.
Гадатель – это ясный ум и трезвость мысли.

Хор К тому же я, что и старик, склоняюсь мненью
о прорицателях. Богов друзьями числить –
вот наилучшее для дома прорицанье!

Ел. Пусть так. Всё до сих пор сложилось хорошо.
Хотя как спасся ты, несчастный, из-под Трои
знать бесполезно мне, всех близких как-то тянет

Мен. послушать о мытарствах, выпавших родным.
О многом ты меня одним спросила духом.
Зачем крушенья вспоминать в Эгейском море,
ловушки Навплия – эвбейские огни,
как был я в критских и ливийских городах,
и на холмах Персея? Слух твой наполняя
рассказом о своих страданиях, я бы вновь
те муки пережил и скорбь свою удвоил.

Ел. Ответил ты разумней, чем спросила я.
Одно скажи мне, пропуская остальное:
блуждал ты долго по хребту морской пучины?

Мен. Добавить нужно к десяти годам под Троей
ещё семь круглых лет, в скитаньях проведённых.

Ел. Увы! Увы! Ты долгий срок назвал, несчастный.
Оттуда спасся ты, чтоб здесь попасть на бойню.

Мен. Как это? Что? Меня убила ты, жена!

Ел. Со всей поспешностью покинь ты эту землю –
тебя хозяин дома этого зарежет!

Мен. Что сделал я, чтоб заслужить такое горе?

Ел. Ты – браку моему нежданная помеха.

Мен. Неужто кто-то хочет взять мою жену?

Ел. Бесчинством, наглостью. Всего я натерпелась!

Мен. Он сам себе правитель или царь страны?

Ел. Пределов этих повелитель, сын Протея.

Мен. Так, значит, вот на что служанка намекала!

Ел. Стоял ты у которых варварских ворот?

Мен. У этих, и меня, как нищего, прогнали.

Ел. Ты что, еду просил? Я со стыда сгораю!

Мен. Да, был я нищим, но назвался по-иному.

Ел. Ты, значит, знаешь всё о предстоящем браке.

Мен. О браке. Не о том, избегла ли ты спальни.

Ел. Ты знай: нетронутым твоё осталось ложе!

Мен. Поверить ли? Чудесно, если это правда.

Ел. Ты у гробницы видишь мой приют убогий?

Мен. Из листьев жалкую постель. А ты при чём тут?

Ел. На этом ложе о спасении молюсь я.

Мен. Нет алтаря? Иль это варварский обычай?

Ел. Я тут защищена, как храмами богов.

Мен. Тебя домой на корабле не увезти мне?

Ел. Сейчас тебя ждёт меч, а не моя постель.

Мен. Тогда мне точно быть несчастнейшим из смертных!

Ел. Стыдиться тут не нужно. Убегай отсюда!

Мен. Забыв тебя? Я за тебя разрушил Трою!

Ел. Так лучше, чем вмешаться в брак мой и погибнуть.

Мен. Я трус, выходит, недостойный Илиона?

Ел. Тебе тирана не убить, и не пытайся.

Мен. А что, неуязвима плоть его для стали?

Ел. Узнаешь. Кто умён, тот на рожон не лезет.

Мен. Так что же мне, молчать, и пусть мне руки вяжут?

Ел. Нет выхода тебе, необходима хитрость.

Мен. Приятней в деле, чем в бездействии, погибнуть!
Ел. Одна надежда есть, одним лишь мы спасёмся.
Мен. И чем же? Подкупом, дерзанием, словами?
Ел. Тиран не должен о твоём приезде ведать.
Мен. Меня он не узнает. Кто ему тут скажет?
Ел. Есть в доме у него союзник богоравный.
Мен. Какой-то голос в отдалённой части дома?
Ел. Да нет, его сестра. Ей имя Теоноя.
Мен. То имя вещее. Что делает она?
Ел. Она всё знает. Скажет брату, что ты прибыл.
Мен. Тогда конец мне! Скрыться будет невозможно.
Ел. А, может, мы её упросим, убедим...
Мен. Что сделать? Ты какой меня надеждой манишь?
Ел. От брата утаить, что ты теперь в стране.
Мен. И, убедив её, покинем эту землю?
Ел. Уйти легко с её согласия, но не тайно.
Мен. Ну, действуй! Женщины всегда договорятся.
Ел. Я не замедлю обхватить её колени!
Мен. А вдруг нас выслушать она не пожелает?
Ел. Тогда умрёшь ты. Мне же, бедной, брак навяжут.
Мен. Неверная! Ты прикрываешься насильем!
Ел. Клянусь священной клятвой, головой твоею...
Мен. Что сделать? Умереть? Не поменять супруга?
Ел. Одним мечом погибнуть. Лечь с тобою рядом.
Мен. Клянись же в том, моей руки касаясь правой!
Ел. Касаюсь. Ты умрёшь – я этот свет покину.
Мен. И я, тебя лишившись, жизнь свою закончу.
Ел. Как умереть нам, чтоб и славою покрыться?
Мен. Я на хребте гробницы кончу нас обоих.
Но прежде я сражусь сражением великим
за брачный наш союз. Кто хочет, приближайся!
Своих троянских лавров я не опозорю
и в Грецию не возвращусь один, со срамом.
Ахилла отнял я у матери-Фетиды,
я видел смерть Аякса, сына Теламона,
бездетность Нелеида – разве не годится
пойти на гибель мне из-за своей супруги?
Годится! Если боги мудры, то они
покроют храбреца, убитого врагами,
в его гробнице легковесною землёю,
а труса выбросят на жёсткие утёсы.

Хор О боги, пусть когда-нибудь блаженным станет
Танталов род и отрешится от несчастий!

Ел. Ах я страдальца! Что за судьба такая!
Конец нам, Менелай! Выходит из покоев
вещательница Теоноя! Дом стучит,
засов отодвигается. Беги! Но надо ль?
Хоть далеко она, хоть близко – ей известно,
что прибыл ты сюда. Я, бедная, погибла!
Уйдя живым из Трои, с варварских пределов,

ты вновь окажешься среди варварских мечей!

ТЕОНОЯ

Веди меня, огонь светильников неся,
глубь неба окури, таков святой обычай,
чтоб я эфира чистый дух восприняла.
А ты дорогу, если вдруг она безбожной
осквернена стопою, очищай огнём,
по нею факелом стучи, мне путь готовя.
Бессмертным должное воздав, как я велю,
в очаг домашний возвратите это пламя.
Ну что, Елена? Как пророчества мои?
Пришёл супруг твой Менелай, и вот он здесь,
лишён и кораблей, и твоего подобья.
Несчастный, столько бед избег ты, и не знаешь,
вернёшься ли домой, останешься ли здесь!
Из-за тебя вступили боги в словопренье,
собравшись возле Зевса, в этот самый день.
Сменила Гера, бывший враг твой, гнев на милость
и хочет вас домой вернуть, чтоб стало ясно
всей Греции, что брак, устроенный Кипридой
в подарок Александру, был сплошным обманом.
Киприда же расстроить хочет возвращенье
и утаить от всех, что красоту Елены
приобрела она для подставного брака.
Зависит от меня, уважить ли Киприду
и, брату всё сказав, обречь тебя на гибель
иль, вставши вместе с Герой, жизнь тебе спасти,
приезд твой скрыв от брата, хоть и приказал он
быть извещённым, если к нам ты попадёшь.
Ну, кто же к брату моему пойдёт и скажет
о госте, чтобы я избегла наказанья?

Ел.

О дева, я к твоим коленам припадаю,
сажусь, несчастная, у ног твоих, моля
и за себя, и за него – он только найден
и вот уж должен на глазах моих погибнуть!
Ты брату своему, прошу, не доноси,
что муж любимейший пришёл в мои объятия!
Спаси его, молю! Пусть даже и для брата,
не предавай ты благонравие своё,
нечестием и злобой покупая милость!
Насилье мерзко богу. Он велит всем людям
имущество приобретать не грабежами.
Не нужно трогать злом добытое богатство!
Всем смертным лишь одно в удел досталось небо,
одна земля, и наполнять дома нельзя нам
добром чужих людей, подвергнутых насилью.
На счастье нам, но и на горе мне велел
Гермес, чтоб твой отец хранил меня для мужа,
вот он пришёл и хочет взять меня домой.

Но если он умрёт, возьмёт ли? Твой родитель
умеет возвращать живущее умершим?
О боге ты и об отце своём подумай:
хотели бы и бог, и твой отец покойный
давать обратно вещи ближних или нет?
Конечно, да. Так для чего считаться больше
с бездумным братом, чем с порядочным отцом?
Ты прорицательница и в богов ты веришь,
тебе ли нарушать отцову справедливость,
неправедному брату оказав услугу,
ведь стыдно все дела божественные ведать,
что есть, что будет – но не то, что справедливо!
Я так страдаю, я совсем погрязла в бедах,
спаси меня, хоть чем-то участь облегчи мне!
Нет смертных, не таящих ненависть к Елене,
по всей Элладе слышно, что, супруга предав,
я в раззолоченных домах жила фригийских.
Вернувшись в Грецию, войду я в Спарту <снова>,
услышат все, увидят, что богов уловки
их с толку сбили, что родных не предала я,
и целомудрие моё опять вернут мне.
Дочь замуж выдам, ведь никто её не хочет,
и здешнее оставлю горькое скитанье,
приду домой, своё имущество верну я.
Мой муж, погибнувший и на костре сожжённый,
издалека, с любовью был бы мной оплакан.
Но жив он и спасён. И мне его лишиться?
Не надо, дева! Я прошу тебя смиренно:
ты эту милость окажи мне, будь похожей
на справедливого отца, ведь детям слава
великая, коль рождены отцом достойным
и у родителей характер переняли.

Теон. Слова твои, конечно, жалость вызывают,
ты тоже будишь жалость. Но хочу я слышать,
что Менелай мне скажет, жизнь свою спасая.

Мен. Не мог бы я решиться пасть к твоим коленам
и слёзы лить из глаз. Мои дела под Троей
трусливым поведением я бы обесценил,
хотя и говорят, что людям благородным
в несчастиях пристало плачем заливаться.
Но благо это, если это всё же благо,
я не поставлю выше доблестного духа.
Коль пожелаешь ты избавить чужеземца,
который хочет взять жену свою по праву,
то и жену отдай, и жизнь ему спаси ты.
А нет – бывал в беде я часто, не впервой мне,
но скверной женщиной ты прослывёшь повсюду.
Слова прямые и достойные меня,
способные тебя надёжно взять за душу,
я гробу твоего отца скажу всем сердцем.

О старый царь, живущий в каменной гробнице,
отдай жену мою, я требую её,
вручённую тебе на сохраненье Зевсом!
Ты мёртв, я знаю. Ничего ты не вернёшь мне,
но дочь твоя ведь не потерпит, чтоб отца,
славнейшего при жизни, из могилы звали
выслушивать упрёки. Всё в её руках.
Аид подземный, будь союзником и ты мне,
ведь за жену мою ты много трупов принял,
я их заклал мечом! Ты получил всю плату!
Ты либо их восставь опять живыми, либо
заставь её могущественней оказаться
достойного отца, вернув мою супругу.
Но если у меня жену вы отберёте,
скажу я то, чего она недосказала.
Мы клятвами себя связали, знай же, дева,
что сразу брошу вызов твоему я брату,
и либо он погибнет, либо я: всё просто.
А если он лицом к лицу на бой не выйдет,
моря нас голодом, просителей у гроба,
решил её убить я, а потом себя,
вознив себе вот этот меч двуострый в печень,
поднявшись на гробницу, чтобы струи крови
сочились прямо в гроб. Так мы и ляжем рядом,
два мертвеца, на тёсаных камнях гробницы,
тебе бессмертная печаль, отцу бесчестье.
Никто не женится на ней, ни братец твой,
ни кто-либо другой. Я уведу её
пусть не домой, тогда хотя бы в царство мёртвых!
К чему мои слова? Расплакавшись по-женски,
я больше жалости бы вызвал, чем отвагой.
Губи нас, коли так! Мы не падём бесславно!
Однако лучше внемли мне, тогда с тобою
была бы справедливость, а со мной супруга.
Лишь ты рассудишь, дева, сказанные речи.
Пусть всем придётся по душе твоё решение.

Хор

Теон.

Я рождена и быть хочу благочестивой,
себя люблю я – и отца благое имя
не очерню, не окажу я милость брату,
которая дурную славу принесёт мне.
Храм Справедливости огромный возведён
в моей душе. Он мне достался от Нерей,
и, Менелай, я сохранить его пытаюсь.
Поскольку Гера вас приемлет благосклонно,
я брошу жребий с ней. Пусть будет и Харита
добра ко мне, хотя совсем не по пути нам –
я постараюсь навсегда остаться девой.
Твои упрёки над могилою отца
меня коснулись тоже. Было бы бесчестно
тебя не дать супругу. Был бы жив отец,

её тебе, тебя же ей он возвратил бы.
Есть наказание за злодеяния как для мёртвых,
так и для всех людей вверху: ведь ум того,
кто умер, не живёт, но сохраняет память
бессмертную, в бессмертный падая эфир.
Не трать лишних слов, скажу, что я решила
молчать, как вы меня молили. Не бывать мне
советчицей нерассудительности брата.
Ему я лучше помогу, не помогая,
и нечестивца к благочестию направлю.
Вы сами, впрочем, путь отсюда отыщите,
я молча отойду, мешать не стану вам.
С богов начните это дело и молитесь,
чтоб в край родной тебя Киприда привела
и Гера при своём решении осталась
спасение тебе и мужу даровать.
Отец покойный, всё отдам я, чтоб навеки
прослыл ты не безбожным, но благочестивым!

- Хор Никто не видел счастья, преступив законы,
а в праведности есть надежды на спасенье.
- Ел. Послушай, Менелай! Нас дева пощадила,
теперь же нам обоим должен ты найти
для избавления какое-нибудь средство.
- Мен. Так слушай: ты была под этим кровом долго
и разделяла стол со слугами царя.
- Ел. О чём твои слова? Приносишь ты надежды,
что нечто совершишь на благо нам обоим?
- Мен. С каким-нибудь не сговоришься ли возницей,
чтоб отдал нам он колесницу четверную?
- Ел. Пожалуй, сговорюсь. Но как же мы уедем,
не зная ни равнин, ни варварской страны?
- Мен. Нет, невозможно. А давай я спрячусь в доме
и заколю царя мечом своим двуострым?
- Ел. Его сестра никак такого не допустит,
не промолчит о покушении на брата.
- Мен. И даже корабля спасительного нет!
Корабль, который был у нас, теперь у моря.
- Ел. Послушай женщину. Скажу, возможно, дело.
Захочешь ли, не умерев, сказаться мёртвым?
- Мен. Недобрая примета... Говори, раз дело.
А я готов, не умерев, сказаться мёртвым.
- Ел. Тогда, как жёнам должно, волосы я срежу
и буду плакать о тебе пред нечестивцем.
- Мен. Но как послужит это нашему спасенью?
В твоих словах лишь несуразицу я слышу.
- Ел. Ты как бы умер в море. Я скажу тирану,
чтоб он мне разрешил поставить кенотаф.
- Мен. Положим, разрешил. Но как без корабля нам
спастись, хотя и разживусь я кенотафом?
- Ел. Я судно попрошу. С него в морское лоно

- мы спустим украшения для твоей могилы.
- Мен. Всё хорошо – но если он обряд прикажет на суше проводить, то хитрость не удастся.
- Ел. Мы скажем, что у нас не принято в Элладе землю покрывать отдавших душу в море.
- Мен. Вновь стройно мыслишь ты. Со всеми поплыву и тоже украшения с палубы спущу я.
- Ел. Ты непременно должен быть там с моряками, которые избегли кораблекрушения.
- Мен. Как только судно сам на якорь я поставлю, они придут, солдат к солдату, и с мечами.
- Ел. Ты всем командуй. Был бы только парус наш попутным ветром полон, судно подгоняя!
- Мен. Так будет. Боги прекратят мои мытарства. Но кто же, скажешь, сообщил про смерть мою?
- Ел. Ты сам. Ты, мол, один сумел избежать рока, с Атридом плавал ты и видел, как погиб он.
- Мен. Лохмотья же, в которые я завернулся, рассказ о кораблекрушении подтвердят!
- Ел. Как вовремя ты потерял свою одежду, такая неприятность обернулась благом!
- Мен. Войти ли мне с тобою вместе во дворец, остаться ли сидеть безмолвно у гробницы?
- Ел. Останься. Если он с тобой поступит худо, тебя гробница защитит и этот меч. А я отправлюсь в дом, там локоны я срежу, сниму свой белый пеплос и надену чёрный, ногтями щёки расцарапаю до крови. Нас ждёт великий бой. Я вижу два исхода: один – умру я, обличённая в обмане, другой – вернусь домой и жизнь тебе спасу. О госпожа, лежащая на ложе Зевса, о Гера, дай передохнуть двум жалким людям, тебя мы молим, воздевая руки к небу, где ты живёшь среди его узоров звёздных! И ты, чья красота меня толкнула к браку, Киприда, дочь Дионы, не губи меня! Уже довольно ты мне в прошлом навредила, моё дав имя, но не тело, чужеземцам! Пошли мне смерть, раз ты убить меня желаешь, на родине! Зачем так жаждешь ты несчастий, страстей, обманов, и коварных ухищрений, и чар кровавых, разрушающих дома? Познав умеренность, ты для людей была бы приятней всех богов – иного не скажу я.
- Хор Тебя, милый друг, сидящего в заросших листвою жилищах, в обителях муз, я призываю, сладкозвучнейшую

певчую птицу,
соловья, слёзы льющего:
приди, расплёскивая трели из тёмно-жёлтого горла,
поплачь вместе со мною, поющей
о напрасных мытарствах Елены
и горькой участи
женщин троянских
под копьями ахейцев,
когда пронёсся по шумным равнинам, на варварских вёслах,
когда приехал, приехал, везя Приамидам
из Лакедемона тебя, невесту бездольную,
о Елена, Парис несчастнобрачный
по принуждению Афродиты.

Много ахейцев, от копья
и града камней дух испутив,
снизошло в скорбный Аид,
жён своих злосчастных
заставляя волосы срезать
и безбрачными дома оставляя.
Многих, зажегши яркий огонь на омываемой морем
Эвбее, погубил свой же ахеец,
одну лишь лодку имевший,
направив их на каферейские скалы,
с эгейского побережья сверкая
своей звездой коварной,
и тогда к бесприютным и горьким пределам
унесли Менелая штормовые ветра, отдаляя от родины,
везущего на кораблях награду похода варварского –
не награду, но распрю данайцев –
священный призрак, созданный Герой.

Что есть бог, что не бог, и что посередине?
Кто из смертных ответит, продумав
этот вопрос до конца, наблюдая дела богов,
скачущие туда-сюда в противоречивых,
неожиданных поворотах судьбы?
Ты, Елена, явилась на свет дочерью Зевса:
в лоне Леды зародил тебя
крылатый отец,
и всё же кричат о тебе по всей Элладе, называя
предательницей, безверной, беззаконной, безбожной.
Не нашла я в рассказах людей о богах
ничего определённого, никакой правды.

Безумцы вы, добывающие почести на войне
остриём копья крепкого,
необдуманно прекращающие тяготы смертных.
Если состязаньем кровавым дело решать,
никогда не исчезнет вражда в городах людей.

Ушла бы она из покоев приамской земли,
если бы можно было разгладить словами
раздор, учинённый тобою, Елена.
Теперь же о людях этих печётся внизу Аид,
где на стены падает пламя, подобное молнии Зевса,
а ты прибавляешь страданья к страданиям
в тяжких бедствиях неутешных.

ТЕОКЛИМЕН

Гробница, здравствуй! Я погрёб у входа в дом
тебя, Протей, чтоб ты внимал моим приветам.
Входя и выходя, твой сын Теоклимен
с тобою всякий раз беседует, родитель.
Рабы, возьмите сети для звериной ловли,
ведите гончих в наши царские покои.
Как много раз я упрекал себя за то,
что мы злодеев не наказываем смертью!
И вот я узнаю: какой-то грек открыто
приехал к нам в страну и скрылся от охраны.
Наверное, лазутчик или хочет выкрасть
Елену. Он умрёт, как только будет пойман.
А!

Однако, кажется, всё сделано уже:
пустым своё оставив место у гробницы,
дочь Тиндарея из страны увезена!
Эй, слуги, отворяйте двери, выпускайте
коней из стойла, выводите колесницы!
Я приложу все силы, чтобы помешать
покинуть наше царство будущей супруге!
Постойте! Я, однако, вижу, что добыча
осталась в доме, никуда не убежала.
Зачем ты, женщина, сменила белый пеплос
на чёрный, и на благородной голове
железным лезвием укоротила косы,
и щёки орошаешь светлыми слезами,
рыдая? Или ты стенаешь, вспоминая
видения ночные? Или новостями
о бедствии на родине потрясена ты?

- Ел. Мой господин – так буду звать тебя отныне –
конец мне! Всё пропало! Нет меня на свете!
- Теокл. Какое горе у тебя? Что приключилось?
- Ел. Мой Менелай – ах, как скажу я это? – умер.
- Теокл. Твоим словам не рад я, хоть и повезло мне.
Откуда знаешь ты? Сказала Теоноя?
- Ел. Сказала и она, и есть свидетель смерти.
- Мен. Так, значит, кто-то с подтверждением приехал?
- Ел. Приехал. Пусть идёт, куда хочу, чтоб шёл он!
- Теокл. Он кто? И где? Я жажду всё узнать подробней!
- Ел. Вон там сидит он. Притаился за гробницей.
- Теокл. О Аполлон, какая гадкая одежда!

Ел. Увы, наверно, мой супруг одет был так же!
Теокл. Какого рода он? Откуда он явился?
Ел. Ахейский грек. Ходил он в море вместе с мужем.
Теокл. И что он говорит? Как Менелай скончался?
Ел. Наиплачевнейше. Во влажных складках моря.
Теокл. А где он плыл тогда по варварской пучине?
Ел. Он выброшен у неприютных скал ливийских.
Теокл. Как этот не погиб, плывя на том же судне?
Ел. Простые люди иногда счастливей знатных.
Теокл. И где же корабля оставил он обломки?
Ел. Где пусть придёт конец им, но не Менелаю!
Теокл. Тот кончен. А на чём сюда приплыл к нам этот?
Ел. Он говорит, что был подобран моряками.
Теокл. А зло, взамен тебя отправленное в Троию?
Ел. Мой образ облачный? В эфир он удалился.
Теокл. Приам и Троя, как вы попусту пропали!
Ел. Я тоже разделила беды Приамидов.
Теокл. Труп мужа был покрыт землёю или брошен?
Ел. Не погребён. О, как меня терзают беды!
Теокл. Затем ты золотые локоны состригла?
Ел. Я всё люблю его, как если бы он здесь был!
Теокл. Тогда ты правильно об этом горе плачешь.
<Ел. Раз в жизни что-то правильное происходит!
Теокл. А вдруг окажется, что твой супруг не умер?>
Ел. Выходит, обмануть сестру твою нетрудно.
Теокл. Конечно, нет. И что же? Будешь жить в гробнице?
Ел. Верна супругу я, от рук твоих спасаясь.
Теокл. Ты издеваешься? Оставь в покое мёртвых!
Ел. Не издеваюсь. Начинай готовить свадьбу.
Теокл. Дождался, наконец! Теперь тебя хвалю я!
Ел. Ты вот что сделай: позабудем о прошедшем.
Теокл. И как условимся? За милость будет милость.
Ел. Отныне мир заключим! Помиришь со мною.
Теокл. Отверг я нашу ссору, пусть летит отсюда!
Ел. Я у колен твоих, раз ты назвался другом...
Теокл. Чего ты ждёшь, ко мне протягивая руки?
Ел. Хочу похоронить погибшего супруга.
Теокл. Как так? В пустой могиле? Тень предашь земле ты?
Ел. У греков есть обычай – для умерших в море...
Теокл. Что делать? В этом точно мудры Пелопиды.
Ел. Устраивать пустым одеждам погребенье.
Теокл. И хорони! Насыпь курган где пожелаешь.
Ел. Не так мы моряков умерших погребаем.
Теокл. А как же? Я в законах греческих несведущ.
Ел. Мы в море всё, что нужно мёртвому, вывозим.
Теокл. И что же для покойника мне предоставить?
Ел. Он знает, а не я. Всегда везло мне в жизни.
Теокл. Эй, чужеземец, весть хорошую принёс ты!
Мен. Не для меня и не для мёртвого, однако.
Теокл. Как погребаете вы тех, кто умер в море?

Мен. От их богатства погребение зависит.
Теокл. Трать сколько хочешь. Для неё не жалко денег.
Мен. Сначала мёртвым кровь возлить необходимо.
Теокл. Чью кровь? Ты мне советуй, а уж я исполню.
Мен. Ты это сам реши. Всё, что ни дашь, сгодится.
Теокл. У варваров то конь, а то и бык берётся.
Мен. Смотри, чтоб на животном не было изъяна.
Теокл. Таких в стадах у нас обильных сколько хочешь.
Мен. Нам ложе нужно разостлать, пусть и без тела.
Теокл. Добро! А приношений требует обычай?
Мен. Доспехов медных. Царь любил копьём сражаться.
Теокл. Они достойны будут дома Пелопидов.
Мен. Хорошие плоды земли нужны нам также.
Теокл. И что же? Как вы всё опустите в пучину?
Мен. Для этого необходим корабль с гребцами.
Теокл. Насколько судну отойти от суши нужно?
Мен. Чтоб с берега чуть видеть вспененные вёсла.
Теокл. Вот как? Зачем такой обычай чтит Эллада?
Мен. Чтоб скверну не принёс прибой опять на землю.
Теокл. Дадут вам скоростное судно финикийцев.
Мен. Придётся по душе всё это Менелаю!
Теокл. А без неё ты обойтись никак не можешь?
Мен. Обряд проводит мать, супруга или дети.
Теокл. Её работа, значит, погребенье мужа.
Мен. Благочестив закон – не обделять покойных.
Теокл. Ну ладно. Праведность в жене растить я должен.
Ступай домой, наряд покойнику придумай.
А ты с пустыми не уйдёшь от нас руками,
услугу эту оказав ей и доставив
приятную мне весть. Получишь ты одежду
взамен пропавшей и еду, чтоб возвратиться
в страну родную. Что ты бедствуешь, я вижу.
Тебе же, бедная, довольно понапрасну
терзать себя. Твой Менелай уже скончался,
рыданиями не оживишь ты мертвеца.
Мен. Должна ты, женщина, любить того супруга,
который здесь. Другого нет, забудь о нём,
так лучше ведь при обстоятельствах подобных.
А если я спасусь и в Грецию приеду,
то сплетни о тебе прерву я, если станешь
такой женой, какой и надо быть для мужа.
Ел. Пусть будет так. Не заслужу я порицаний
супруга. Сам ты будешь рядом и увидишь.
Теперь, бедняга, в дом ступай и там помойся,
смени одежду. Я займусь без промедленья
уходом за тобой, чтоб ты поблагосклонней
дары любимому доставил Менелаю,
моим вниманьем награждённый, как и должно.

Хор Некогда проворной стопую

Мать богов, на горах живущая,
пересекла долины лесистые,
и речной поток полноводный,
и тяжкошумную волну морскую,
тоскуя по отошедшей,
неназываемой дочери.
Громкие трещотки зашлись
пронзительной дробью,
когда запрягла богиня
своих зверей в колесницу,
отправляясь за дочерью,
похищенной из хороводов
круговых, девичьих,
<а следом помчались> ногами быстрыми
Артемида, лук держащая, и с ней
Страшноглазая, с копьём и в доспехах.
Но взирающий с неба
<Зевс, отец полновластный,>
другую судьбу исполнил.

Когда мать прекратила
труд иступлённый, многоскитальный,
разыскивая дочь любимую,
похищенную коварно,
она взошла на вершины снежные,
где живут идейские нимфы,
и бросилась в печали
на горные чащи, убелённые густо.
Для смертных не зеленели равнины земли,
<благословенья богини лишённые,>
не оплодотворяла она и поля,
погубляя род человеческий,
не посылала стадам изобильный
корм – виноград густолистый.
Из городов ушла жизнь,
не приносились жертвы богам,
на алтарях не сжигались лепёшки.
Перестала из чистых источников
изливать она воды кристальные
от неутешной тоски по дочери.

Когда она прекратила пиры
и богов, и людского рода,
то Зевс, утишая ненавистный
гнев Матери, повелел:
«Ступайте, священные Хариты,
идите, тоску по дочери
в Део разгневанной
перемените вашими восклицаньями,
а вы, Музы – гимнами хороводными!»

Меди земной голос
и тимпаны, кожей обтянутые,
тогда приняла впервые Киприда,
прекраснейшая из блаженных.
Засмеялась богиня и взяла в руки
голосистую флейту,
наслаждаясь её звучанием.

Не законно, не благочестиво
жгла ты огонь в своих покоях,
гнев Матери великой,
дитя, вызывая, не чувствуя
приношений богини!
Бесспорно, огромную силу имеют
многопёстрые покровы из шкур оленьих,
и зелень плюща, обвёрнутая
вокруг фенхелей священных,
и круговое движение
трещотки, разрезающей воздух,
и волосы, размётанные в экстазе вакхическом
для Бромия, и всенощные празднества богини,
где со своей колесницы
луна истекает светом...
А ты лишь своей красотой хвалилась!

Ел. Нам в доме повезло, любимые подруги.
С уловкой нашей помогла нам дочь Протея,
не выдав мужа. Брат вопросы задавал ей,
но та ответила, мне милость оказав,
что муж мой в царстве мёртвых и не видит света.
Супруг воспользовался случаем прекрасно:
облёкся в предназначенные для пучины
доспехи, руку благородную продел он
в ремень щита, а правой взялся за копьё,
чтоб мёртвому везти нам вместе приношенья.
Как следует вооружился он для боя,
готовясь варварские полчища разбить,
когда мы с ним взойдём на весельное судно!
А я ему, взамен лохмотьев с корабля,
дала красивую одежду, приготовив
и ванну с долгожданною речною влагой.
Но вот из дому вышел тот, кто полагает,
что брак со мною у него уже в руках.
Мне надо замолчать. Я вас прошу помочь мне,
<к своей замученной подруге проявить>
благоволение, язык свой успокоить,
чтоб мы спаслись и вас когда-нибудь спасли.

Теокл. Идите по порядку, как велел пришелец,
рабы, и к морю уносите приношенья!
Елена, если по сердцу тебе совет мой,

меня послушай и останься. Службу мужу,
что там, что здесь, ты одинаково сослужишь.
Боюсь я, как бы не напало на тебя
желанье броситься во вздувшееся море,
когда с тоской ты о любимом вспомнишь муже.
Ты что-то слишком убиваешься по мёртвом.
Ел. О новый мой супруг, необходимо мне
и ложе первое, и счастье в первом браке
почтить. Так сильно мужа бывшего люблю я,
что умерла бы с ним. Однако что за польза
с умершим умирать? Позволь же мне поехать
и мёртвому доставить эти приношенья!
Пусть боги то тебе дадут, что я желаю,
и гостя наградят, трудящегося с нами.
Иметь ты будешь в доме ту, какую должен,
жену за то, что честь окажешь Менелаю
и мне. Предвижу я исход благополучный.
Пусть кто-нибудь нам даст корабль везти всё это,
ты прикажи, и буду я совсем счастливой.
Теокл. Эй ты, пятидесятивёсельный сидонский
корабль им приготовь и подбери гребцов!
Ел. Пусть тот им правит, кто могилу украшает?
Теокл. Конечно. Под его командой моряки.
Ел. Два раза прикажи, чтоб всем им ясно было.
Теокл. И два, и даже три, раз ты того желаешь.
Ел. Да будешь ты удачлив – и мои решенья!
Теокл. Итак, не порти щёк чрезмерными слезами.
Ел. Сегодня ты мою узнаешь благодарность.
Теокл. Заботиться о мёртвых – это труд напрасный.
Ел. Кто там, я полагаю, тот и здесь отчасти.
Теокл. Супругом буду я не хуже Менелая.
Ел. Тебе упрёков нет, нужна мне лишь удача.
Теокл. Ты потянись ко мне – и всё приобретёшь.
Ел. Как мне друзей любить, меня учить не надо.
Теокл. Ты хочешь, чтобы я помог тебе в пути?
Ел. Нет-нет! Ты за рабов не рабствуй, повелитель.
Теокл. Ну, пусть. Оставим Пелопидам их законы.
Наш дом не осквернён, поскольку Менелай
не тут скончался. Пусть же кто-нибудь пойдёт
к моим прислужникам и заносить велит им
подарки свадебные в дом. Пусть вся земля
зальётся радостными песнями, чтоб наше
венчание с Еленой зависть вызывало!
А ты отправься, гость, и опусти всё это
в объятья моря бывшему её супругу
и сразу же с моей женой спеши обратно,
на свадебном пиру со мной повеселись
и в путь домой, а нет – у нас живи счастливо.
Мен. О Зевс, зовущийся отцом и мудрым богом,
воззри на нас и отврати от нас несчастья!

Беду мы катим в гору, поработай с нами!
Ведь если даже пальцем к нам ты прикоснёшься,
достигнем сразу мы желанного исхода.
Довольно мы уже страданий натерпелись.
Давал вам, боги, много прозвищ я негодных
и горьких, но не век же мне страдать за это!
Я выпрямиться должен. Лишь одну мне радость
даруйте, и отныне буду я счастливым!

Хор

Финикийское резвое судно
из Сидона, мать волнам шумящим,
гребцам любезная,
водишь ты прекрасные хороводы
дельфинов, когда ветрами
пучина не обдувается
и серо-голубая дочь Моря,
Галанея, восклицает:
«Расправьте паруса,
отдайте их морским ветрам,
берите сосновые вёсла,
моряки, моряки,
отвозя Елену к прекрасно-гаванным
берегам у дома Персея!»

Возможно, юных дочерей Левкиппа
возле реки полноводной
или пред храмом Паллады увидишь ты,
после долгой разлуки вступая
в хороводы или всю ночь веселясь
на празднествах Гиакинта,
которого во время состязания
округлой кромкой диска
убил Феб, и потом Лаконской земле
сын Зевса велел почитать этот день
приношеньями жертв.
И девушку, в доме оставленную,
<Гермиону, возможно, увидишь ты>,
чьи брачные факелы ещё не сияли.

О, стать бы крылатыми,
полететь бы по воздуху
за вереницами птиц ливийских,
покидающих зимние ливни,
подчиняясь свирельному звуку
вождя своего старейшего,
который клич подаёт,
пролетая равнины земли,
без дождей плодоносные.
О летуны длинношеие,
спутники облаков бегущих,

пронеситесь по центру неба,
под Плеядами, ночным Орионом
и весть принесите,
рассаживаясь у Еврота,
что Менелай покорил дарданский город
и домой возвращается!

На конях, пущенных рысью,
неситесь по воздуху,
сыновья Тиндарея,
живущие в небесах, под круговым
движением звёзд лучезарных,
летите, Елены спасители,
над синеватой пучиной
и шумными волнами моря,
темнеющими, седыми,
морякам посылайте от Зевса
дуновенья ветров попутные,
отбросьте от вашей сестры
позор замужества с варваром,
ведь она из-за спора идейского
месть претерпела, хотя никогда
не приходила в илионскую землю,
к башням, построенным Фебом.

ВЕСТНИК

- Владыка, худшее в твоей семье случилось!
Ты о неслыханном сейчас услышишь горе!
- Теокл. В чём дело? Вест. Начинай искать себе другую
жену! Покинула Елена это царство!
- Теокл. Взлетев на крыльях или шествуя ногами?
Вест. Её из государства вывез Менелай,
который сам нам возвестил свою гибель!
- Теокл. Какая дичь! А что за судно увезло
её из царства? Я словам твоим не верю.
- Вест. Да то, что сам ты гостю отдал! Моряков
пленил он и уплыл. Вот вкратце вся и повесть.
- Теокл. Как это? Должен знать я. Разве есть надежда
какой-нибудь одной руке перебороть
так много моряков, с тобой пошедших вместе?
- Вест. Покои царские оставив позади,
отправилась дочь Зевса к берегу морскому,
ногой ступая нежной, очень умно плача
по мужу, шедшему с ней рядом и живому.
Когда мы к ограждённой пристани пришли,
корабль сидонский, новый, на воду спустили,
на нём же было пятьдесят скамей и вёсел.
Трудились мы, за делом следовало дело.
Один поставил мачту, прочие таскали
руками вёсла, распускали белый парус

и задние рули крепили на ремнях.
Пока работа шла, за нами наблюдали,
как видно, греки из команды Менелая.
Пришли они на берег, в рухлядь разодеты
с обломков корабля. В грязи, но благовидны.
Заметив их неподалёку, сын Атрея
сказал им с жалостью, обманывая нас:
«Скажите, бедные, как вы сюда попали,
какой корабль ахейский был разбит под вами?
Давайте же Атрида вместе похороним,
дочь Тиндарея кенотаф ему везёт.»
Они же стали проливать притворно слёзы,
взошли на судно, заноса для Менелая
подарки. В душу нам закралось подозренье,
мы начали шептаться: что-то слишком много
прибавилось народу. Впрочем, все молчали,
приказ твой соблюдая. Сам велел ты гостю
командовать на судне, сам ты всё испортил.
Мы лёгкие предметы без труда подняли
на палубу, лишь бык упрямым оказался
и прямо по доске не пожелал ступать,
ревел, вращал глазами, спину выгибая,
косясь из-под рогов, не позволяя нам
притронуться к нему. Тогда супруг Елены
вскричал: «Эй вы, разрушившие Илион,
давайте быстро, как велит обычай греков,
быка на плечи наши крепкие поднимем
и на нос отнесём!» Тут он потряс мечом,
из ножен вынутым. «Бык – умершему жертва!»
Они, приказу повинувшись, подбежали,
быка схватили и на палубу внесли.
А лошадь скаковую Менелай, погладив
по лбу и шее, убедил взойти на судно.
Корабль всё принял, наконец. Тогда Елена,
чудесными лодыжками пересчитав
ступени сходней, села в центре, на корме,
а с нею Менелай, по слухам не живущий.
Другие справа сели поровну и слева
по борту, парами, скрывая под одеждой
мечи. Гуденье моря дополнялось криком
гребцов, повиновавшихся словам келейста.
Когда мы были от земли не далеко,
но и не очень близко, рулевой спросил:
«Эй, чужестранец, плыть нам дальше или хватит?
Ты отвечаешь за командование судном.»
А тот: «По мне, так хватит.» Взял он в руку меч
и на нос медленно пошёл. Там, рядом с жертвой,
он мёртвого не помянул, но, бычьё горло
перерезая, так сказал: «Живущий в море
владыка Посейдон, святые Нереиды,
спасите нас с женой и в навплиеву гавань
отсюда целыми доставьте!» Струи крови

плеснули в море – гостю знак благоприятный.
Воскликнул кто-то: «Это плаванье – ловушка!
Плывём обратно! Ты, вели грести направо!
Ты, руль развёртывай!» Но сын Атрея, кончив
заклание быка, воззвал к своим друзьям:
«Зачем теряете вы время, цвет Эллады?
Давайте, режьте этих варваров и за борт
бросайте их!» Но морякам твоим келейст
кричал уж противоположную команду:
«Эй вы, живее! Рукоять руля хватайте!
Ломайте скамьи! Из колков тащите вёсла
и кровью головы захватчиков залейте!»
Повскакивали все. У наших были вёсла
в руках, а вот враги с мечами оказались.
Корабль кровоточил. Врагов приободряла
с кормы Елена: «Вы ль добыли в Трое славу?
Задайте этим варварам!» В пылу сраженья
кто пал, кто устоял. Куда ни кинешь взгляд –
лежат повсюду трупы. Менелай в доспехах,
где б ни были его соратники в беде,
туда летел, сжимая меч рукою правой.
Мы в море бросились и без гребцов твоих
остались вёсла. Подойдя тогда к рулю,
вождь вражеский велел вести в Элладу судно.
Они подняли парус, ветер был попутным,
и вот их нет в стране. Я смерти избежал,
на якоре повиснув и спустившись в море.
Уже тонул я, но меня один рыбак
из моря вытащил и высадил на берег
с рассказом этим. Вдумчивого недоверья
для смертных ничего полезней не бывает.

Хор Господин, куда пошёл ты? Убивать кого-нибудь?
Теокл. Мною движет справедливость. Убирайся из-под ног!
Хор Я не выпущу твой пеплос! Ты спешишь к большой беде!
Теокл. На господ, рабыня, давишь? Хор Думаю о благе я!
Теокл. Не моём, коль не позволишь... Хор Не позволю я тебе!
Теокл. ... мерзкую сестру прирезать... Хор Всех нас праведней она!
Теокл. ... предала меня... Хор И славно! Справедливо предала!
Теокл. ... дав жену мою другому! Хор С бóльшим правом на неё!
Теокл. Кто жены моей владелец? Хор Взявший дочь из рук отца.
Теокл. Случай мне жену доставил! Хор А судьба отобрала.
Теокл. Не суди мои поступки! Хор Говорю как лучше я.
Теокл. Значит, раб я, не правитель! Хор Правь для блага, не для зла!
Теокл. В гибель ты свою влюбилась. Хор Режь меня! Твою сестру
я убить не дам! Умру я! Благородные рабы
погибают за хозяев, смерть славнейшую стяжав!

ДИОСКУРЫ

Сдержи свой гнев, неправедно тебя влекущий,
Теоклимен, владыка царства! Мы взываем
к тебе, два Диоскура! Ледой рождены мы,

как и Елена, твой покинувшая дом.
Взбешён ты, но твой брак судьбою не назначен,
и дочь богини Нереиды, Теоноя,
твоя сестра, ничем тебя не оскорбила,
заветы божьи почитая и отцовы.
Принуждена была Елена безотлучно
доныне жить с тобою рядом, во дворце.
Теперь, когда распались основанья Трои,
братья имя у неё богам не нужно больше.
Замужество своё дано восстановить ей,
войти в свой дом и жить отныне при супруге.
Ты от родной сестры отставь свой чёрный меч,
пойми: она благоразумно поступила.
Давно могли бы мы сестру свою спасти,
поскольку нас обоих Зевс богами сделал,
но мы слабее были и судьбы, и прочих
божеств, определивших череду событий.
Тебе сказал я так, сестре же говорю:
плыви при муже, ветер будет вам попутный!
Твои спасители и братья, мы поскачем
по морю рядом и домой тебя проводим.
Пройдя последний круг ристалища земного,
богиней станешь и разделишь возлиянья
ты с Диоскурами на празднествах людских,
нам посвящаемых. Угодно это Зевсу!
А где сын Майи первый раз остановился,
тебя из Спарты унося путём небесным,
украва тебя, чтоб не отдать Парису в жёны,
тот остров, что лежит, как страж, у самой Акты,
Еленой будет он потом средь смертных зваться,
ведь он приветил уведённую из дома.
А Менелай-скиталец волею богов
найдёт себе приют на острове блаженных,
ведь к благородным не суровы божества,
трудоу лишь больше им дают, чем всякой черни.

Теокл.

О Леды сыновья, рождённые от Зевса,
забыл раздор я прежний с вашею сестрою,
пускай домой вернётся, как богам угодно,
и над своей сестрой убийства не свершу я.
Храбрейшей и благоразумнейшей сестры
единокровные вы братья, так и знайте!
Возрадуйтесь о благороднейшей Елене,
у многих женщин нет подобного ума.

Хор

Много в мире обличий божественных,
много делают боги негаданно:
ожидаемое не исполнилось,
бог же выбрал дорогу к нежданному,
и на этом закончилось дело.